

МАРК
ДОВАТОВ

РАБА
КОБЕИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марк Довлатов

Раба любви. Секс-рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41216788

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0732-8

Аннотация

Хотят ли люди свободы в любви? На что они готовы пойти, чтобы сохранить эту любовь? Как возникают сексуальные желания и предпочтения, что можно считать нормой в сексе? Обо всем этом размышляет Майкл Дуридомов, проходя через череду невероятных эротических приключений и обретая новое знание и бесценный сексуальный опыт. Для оформления обложки использована иллюстрация с сайта pixabay, автор Engin Akurt. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Раба любви	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Раба любви

*Большинство людей
в действительности не хотят свободы.
(Зигмунд Фрейд)*

*Подавленные эмоции не умирают.
Их заставили замолчать.
И они изнутри продолжают влиять на человека.
(Зигмунд Фрейд)*

Михаил и Бэла разбежались в разные стороны. Прошло дня три, как они вернулись из Парижа в свой родной Мухосранск, и Белка вдруг объявила, что собирается в пятницу пойти с подружками в кафе. Ничего в этом особо удивительного не было, но его немного задело, что их Париж будет разменять на треп глупых девчонок. Он выгнал из головы эту мысль и решил в отместку устроить сабантуй для сотрудников своей «фирмы», которых было всего-то девять человек: Тимка, его лучший друг и партнер, несколько парней и три девушки-оператора, которые сидели на телефонах и томными голосами убеждали клиентов купить последнюю модель смартфона или компьютерный вибратор с тройной стимуляцией: «Почему кролик называется? Потому что он своими ушками будет щекотать клитор Вашей девушки... а хвостик у него состоит из шариков, которые тихонько проникнут к

ней в попку, а сам он в это время будет...». Корпоративы у них были как-то не приняты, но бизнес разрастался, давно выплеснулся за пределы города через службу доставки; был уже и офис, хотя начинали они с Тимкой все своими головами, руками и ногами, и Михаил решил пригласить всех в паб «У Патрика».

В пятницу ему почему-то не захотелось наблюдать за сборами Белки, хотя он любил, когда она выходила к нему готовая, с вопросом в глазах, с ожиданием его оценки: всегда в ней было что-то новое, хоть какая-то деталь, хоть локон завинчен по-другому, всегда она выглядела очень сексуально, и он всегда предлагал ей никуда не идти, а прямо сейчас...

С утра Михаил как всегда выпил кофе, зашел на свой сайт, посмотрел статистику продаж, заказы, наметил планы на день, надел черные джинсы и футболку с поднятым средним пальцем, собрался, вышел из дома, загрузился в свой темно-синий X5 и поехал к себе в офис. Там он целый день крутил всем хвосты, доделывал недоделанные дела, хлопал по попке девчонок, вышедших покурить, потом ездил к оптовикам, вернулся с кучей новых товаров, проверил, как без него прошла доставка заказанного, перекусил в «Макдональдс», курил со стаканом кофе на улице, периодически проверял, не было ли пропущенных звонков, но их не было. За суетой день прошел быстро, к четырем подъехал заказанный им микроавтобус, телефоны были переключены на автоответчик, который женским голосом предлагал звонив-

шему оставить свой номер, «и мы непременно в ближайшее время удовлетворим все ваши желания»; все загрузились и поехали к Патрику.

Тимка был уже там, руководил официантками, пара столов была сдвинута, на них уже стояли тарелки с разными орешками, чипсами, подсоленными крендельками и сухариками, сушеными креветками, кальмарами, рыбешками, нарезанной селедкой и кусочками жирной семги; фирменные подставки «Карлсберг» ждали только команды. Команда была дана, все расселись, пиво принесли, Михаил разместился с торца, напротив него сел Тимур; холодный золотистый напиток падал в горло как водопад на тропическом острове и приносил долгожданное облегчение и успокоение.

Вторая армада кружек водрузилась на столах, Михаил встал и толкнул речь. Говорил он не долго, благодарил всех за самоотверженную работу, за командный дух, выдал пару цитат: «ищите и обрящете», «стучите, и вам откроют», желал всем здоровья и благополучия в личной жизни, «которая, если подумать, и есть основа всякой работы... да и зачем эта работа, если нет...». Потом он раздал всем бронзовые брелки в виде Эйфелевой башни, купался в аплодисментах, гахнул сразу полкружки и вышел на улицу покурить. Там его догнал Тимка.

- А наши-то уже в «Принцессе» веселятся.
- И Дашка там?
- Ну да.

– Конечно, я просто как-то не подумал.

– И мы неплохо так...

– Да, здорово. Хорошо ты все тут...

– И для дела полезно, и пивчик классный.

– Классный, слов нет.

– Ты чё-то смурной какой-то сёдни.

– Да не, я в нормале. День был заморочный. А сейчас попустило.

– Слушай. А ты в Париже бля*ей ихних видел?

– Видел.

– И как они?

– Да шмары размалеванные. Наши лучше.

– Бля*и?

– Девчонки.

– Аааа. Это да. Классные. Белка у тебя ваще агонь.

– Дааа, огнетушитель надо бы уже прикупить.

– А чё такое?

– Да нормально все. Только знаешь, брат, я себя чувствую почти всегда на грани фола. Как будто меня на карусели крутит, а я держусь руками из последних сил, и ноги уже в воздухе болтаются...

– Ну а ты чё хотел? Воблу вяленную? Или треску мороженную?

– Разве ты получаешь то, что хочешь? Ты получаешь то, что тебе свыше посылают. А в награду ли, в испытание – хрен его знает.

– Эт точно. Я иногда про Дашку тоже так думаю.

– А Дашка что?

– Да она же на работу пошла. Расфуфырится вечно. А чё она там делает – хер ее знает. Мелькают мысли всякие. Ну, ты ж сам знаешь.

– Да, я помню. Но тогда ж все классно кончилось?

– Тогда да. И трах был потом сказочный.

– Ну вот видишь.

– Да я вижу, что тебя что-то грызет.

– Да не грызет, а так... подшкрябывает немножко.

– Да плюнь. Пошли накатим.

– Ну пошли.

Михаил допил пиво, щелкнул пальцами, получил новую кружку, подумал, что надо бы что-то погрызть, поискал глазами, взял чипсу и отправил ее в рот: она медленно растворилась, оставив на языке соль, перец и вкус копченой грудинки. Он кидал чипсы в рот одну за другой, запивал пивом, думал, что вкус просто божественный, рассеянно смотрел по сторонам. Компания их разместилась в небольшом закутке, весь паб был разделен перегородками, других посетителей видно не было. Девчонки за их столом вовсю хихикали, строили парням глазки и выдавали что-нибудь особо пикантное из общения с клиентами, когда надо так сказать, чтобы он поверил, что без клипсы для клитора... «Ну как же вы можете! Да без этого настоящего оргазма и не бывает! Что? Нормально кончает? Да это изобразить любая сможет! Вот слу-

шайте: о... оооу... дааа... аааах... ууууууу... бооооже! Фсёо-оо!!!» Парни ржали как кони, предлагали рассказать об использовании анальных игрушек, девчонки делали невинные лица, «неее, никада!», а потом, переглянувшись и прыснув в кулак, рассказывали так, что официантки шарахались, едва не разлив пиво. *Хорошие они все ребята. Надо будет им премию выдать, что ли. Они же тебе деньги зарабатывают. Ладно. На Новый год.*

Потом его спрашивали о Париже, и он рассказывал, как нашел кабачок, в котором мушкетеры отмечали свою первую победу над гвардейцами кардинала, как он сидел там и пил вино из оловянного стакана, потом травил разные байки: как Генрих Наваррский собрался поиметь королеву Марго и вдруг обнаружил у нее на ягодице отпечаток зубов, «ага, зубы Гиза!», положил ее на колени и влупил ей по заднице за всю фигню, а она дрыгала ногами и елозила на нем, пока не кончила. «А зубы-то были вовсе и не Гиза – это ее Мария Медичи со злости покусала. Так-то вот бывает... Ну да хорошая трепка еще никому не помешала. Вот если бы Людовик XIII вовремя задрал юбку Анне Австрийской... то и Бэкингом живым бы остался, и войны бы не было».

В кармане у него жужнул телефон, он его выхватил – пришло уведомление фейсбука: «Бэла Бурлакова разместила новое фото». Нууу... посмотрим... на нашу красавицу... Он открыл страницу Белки и увидел групповую фотографию смеющихся девушек с бокалами в руках, сидящих на полу-

круглом диванчике за столом: Белка была в своем черном «шанельном» платье, которое он ей купил на Елисейских полях; сквозь полупрозрачную вставку на груди отчетливо просматривались соски, шея была украшена черным чокером с красным сердечком. *Вот шалава малолетняя, ну обязательно надо всем на обозрение сиськи выставить! Как чувствовал. И уже пишут всякие пидоры комменты идиотские. Пожаловаться, что ли, Цукербергу, что это оскорбляет нашу нравственность? Да в жопу. Ты же ей сам это платье купил. Ну купил. А если я ей трусики прозрачные купил, так надо пиз*у на фейсбук вешать?! Так, уймись, сам говорил, что платье годится на обложку «Вог». Ну говорил. Кто тот «Вог» у нас читает. Пять человек. А это все увидят. Вон, уже в телефончики уставились. И на меня поглядывают. Идем лучше покурим. Ну идем.*

Он вышел, закурил, небо было уже почти черное, дул ветерок, но ему было жарко снаружи, а в груди просто горячо. Он прикурил еще одну сигарету, походил туда-сюда и вернулся внутрь. *Надо отлить срочно.* Он зашел в туалет, облегчился, вымыл руки и вышел в предбанник перед туалетами, хотел глянуть на себя в зеркало, но у него стояла черноволосая женщина и подкрашивала губы. На ней было зеленовато-болотное платье с расклешенной юбкой ниже колен из тонкого материала, она спрятала помаду в сумочку и обернулась; Михаил узнал Анну Сергеевну, бывшую Белкину начальницу. Ноги его дернулись уйти, но уши уже услы-

шали голос.

– Ба! Миша! Какими судьбами?! Где бы мы еще встретились?!

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. У нас тут что-то типа корпоратива...

– Ааа... а я с подружкой была. Зашли посидеть. Она только что ушла.

Михаил ел глазами фигуру докторши, он заметил, что роскошные груди ее свободно ходят под платьем, подрагивают, волнуются, словно живут своей, совершенно отдельной жизнью. Анна Сергеевна перехватила взгляд Михаила, крутанулась на каблуках, груди ее прыгнули.

– Как Вам мое платье?

– Очень... красивое. Материал какой-то... мягкий... летний. Легкий.

– Да, материал замечательный! Вот потрогайте!

Женщина схватила руку Михаила и приложила к своей груди, он почувствовал торчащий сосок, пальцы его инстинктивно сжались, тут же разжались, и он услышал какой-то утробный вздох.

– Не надо, Анна Сергеевна. Мы же договаривались.

– Ну и что такого. Можете Вы материал потрогать. Мягкий?

– Мягкий.

– Ну вот. Раз в сто лет видимся.

Разговаривая, Анна Сергеевна как-то неувовимо двига-

лась, поворачиваясь, Михаил невольно двигался вместе с ней, пока не заметил, что оказался зажат в угол. Женщина придвинулась к нему совсем близко, прикоснулась коленями к его ногам, прижалась бедрами и, наконец, придавила его всем корпусом к стене. Он ощутил совершенно недвусмысленную эрекцию, Анна Сергеевна поднялась на цыпочки, двинула бедра вперед, он почувствовал членом мягкую выпуклость ее лобка, поднял руки, чтобы отстраниться, но руки замерли, а бедра уловили ритмичное нажатие женских бедер. *Еб*т она тебя, что ли. Что за х*йня тут происходит. Только что же просто говорили. Надо завязывать.* Какой-то дикий жар наполнил все его тело, его словно лишили возможности двигаться, только член отзывчиво подрагивал в ответ на толчки. *Да что за хрень такая! Может, они там гипноз проходят, в мединститутах своих.*

– Анна... Сергеевна... прекратите... прошу Вас.

– Да-да, конечно, извините. Как-то оно само так получилось... Я так давно... Вас не видела. Пора домой уже. Только... такой конфуз получился... я деньги все потратила. Вы меня не подбросите?

– Да, и мне пора уже. Надо ехать. Подождите минуту.

Он вернулся в зал, за столами никого не было, бумкала музыка, все ушли танцевать, только Тимка сидел и елозил пальцами по экрану смартфона. *Вот, бл..., на Белкины сиськи пялится! А еще друг называется.*

– Тимка. Мне надо уехать. Возьми мою карту. Довесели-

тесь тут уже... до упаду. Чтоб было что вспомнить.

– Да езжай, я все сделаю, потом сочтемся. Впополам. Давай, держись.

Михаил хлебнул из своей кружки, развернулся и пошел к выходу. *И чего это он такой участливый стал, а. Чего это мне держаться. Я и так... стою... нормально.* На улице он закурил, Анна Сергеевна рядом поправляла волосы, такси поймалось подозрительно быстро, они загрузились на заднее сиденье, в салоне горланил Лепс, он откинул голову на спинку сидения и закрыл глаза.

Он пребывал неизвестно где, в полной темноте, чья-то рука взяла его ладонь, и та ощутила что-то упруго-мягкое, с торчащим бугорком, который его пальцы сжимали изо всех сил, чужая рука легла ему на бедро, переместилась к паху, начала там двигаться, гладить и сжимать член, а его рука почему-то опустилась вниз, по выпуклости живота и ниже, и вглубь и...

– Приехали, начальник. Выходить будем?

Он открыл глаза, повертел головой по сторонам, увидел женщину, посмотрел на свою ширинку, она была застегнута, он открыл дверь, выбрался наружу и подал руку даме.

– До свиданья, Анна Сергеевна.

– На чашечку чаю не зайдете?

– Нет. У меня...

– Да-да, Белка, я помню. Но не могла же я не предложить.

Он вдруг ощутил, что его мочевого пузыря захвачен пив-

ным путчем, взбунтовался самым непристойным образом и выставил ультимативные требования к немедленному удовлетворению.

– Разве что на минутку... Мне надо...

– Да я понимаю, Миша. Я же доктор, а не кисейная барышня. Идемте.

Михаил расплатился, они поднялись на последний этаж, Анна Сергеевна открыла дверь и пропустила его вперед.

– Налево по коридору, первая дверь.

Он нашел туалет, рывком расстегнул zipper на джинсах, вспомнил про русский кайф, поохал от удовольствия, потом зачем-то рассмотрел член, ничего не обнаружил, успокоено вздохнул и вымыл руки.

– Миша, заходите сюда, присаживайтесь, я включила чайник.

– Да мне надо...

– Ну пять минут. А то невежливо будет.

Вот, затюкали тебя. Он уселся в кресло. *Просто посидим пару минут и пойдём.*

– Ладно. Только...

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я даже подходить к Вам не буду, клянусь. Но раз уж у меня так мало времени...

Анна Сергеевна быстро расстегнула пояс на платье, взялась за подол и сняла платье через голову, оставшись только в черных чулках и туфлях. Из груди Михаила вырвался тяжелый вздох.

– Ну Вы же... клялись...

– Не подходить, да. Я и не буду. Вы себе там сидите, а я тут.

Женщина уселась на диван напротив Михаила, забросила волосы назад, взяла в ладони свои роскошные груди, сжала, сдавила пальцами соски, слегка застонала.

– Ну, доставайте телефон. И не смейте говорить, что Вам этого не хочется.

Вот ты, бл..., напасть какая напала. Закрывать глаза? А какой смысл. Что это изменит. Ты уже сидишь в одной комнате с голой женщиной. И она щас... Господи, прости меня грешного. Завтра схожу в церковь, поставлю самую большую свечку. А сегодня... семь бед – один ответ. Он достал смартфон и включил запись видео. Анна Сергеевна трогала свои соски, вертела их, постанывала, потом опустила ладони вниз, гладила живот, потом бедра, раздвинула их, раскрыла блестящие губы, посмотрела прямо на Михаила и стала трогать клитор. Бедра ее двигались, сходились и расходились, она стонала уже громко, выгибала спину назад, и тут вдруг из кухни раздался свист чайника – она дернулась всем телом, сжала бедра, вытянула ноги, подвигала еще немного рукой, дернулась еще пару раз, шумно выдохнула и откинулась на спинку дивана; Михаил нажал «стоп».

– Как мне хорошо, Миша. Как мне было хорошо с Вами. Как Вы меня нежно и страстно трогали. Спасибо Вам.

– Да я же...

– Да-да-да. Ничего не говорите. Все хорошо. Успокойте свою совесть. Это все я. Ну вот свалилась я Вам на голову. А Вы не свободны. Так бывает. А я не могу Вас выбросить из головы. И не хочу. И сегодня было прекрасно. И поверьте, это вовсе не просто плотское влечение стареющей женщины к молодому самцу. Мне тепло думать о Вас, вспоминать. Я очень часто это делаю. И мне от этого хорошо. А еще я знаю, что я Вам нравлюсь. И это очень греет. Какой-то мааленький огонек надежды в душе горит, а согревает всю меня. И еще. От того, что Вы не соглашаетесь, я Вас еще больше люблю. Пусть это покажется Вам парадоксом, но это так. Хватит с Вас на сегодня. Вы устали, я вижу. Вам пора. А у меня чайник улетит. Знаете про условный рефлекс, про собак Павлова?

– Конечно.

– Вот. Теперь у меня будет рефлекс на чайник. А чай я люблю. Идите, Миша.

Михаил поднялся, хотел найти в себе доброе слово этой женщине, но подавил это желание, повернулся и двинулся к выходу. У двери он обернулся, Анна Сергеевна неотрывно смотрела на него, он молча открыл дверь и вышел. На улице он с остервенением вырвал сигарету из пачки и закурил. *Может, и себе чайник со свистком купить? Павлова порадовать.*

Дома никого не было. По дороге, в такси, он заархивиро-

вал видеофайл и удалил оригинал. Он пошел сразу в душ, долго вертелся под струями, поливал себя гелем, смывал, опять намыливался, менял горячую воду на холодную, но картина волнующихся грудей Анны Сергеевны из головы не уходила, а в ноздрях застрял дурманящий шанельный аромат. *Надо чаю попить. Крепкого. Да.* Он сидел на кухне, ждал, пока заварится чай и курил. Потом взял бабушкину кружку, сёрбнул пару раз и услышал скрежет ключа в двери. *Явилась-не запыхалась. И всего-то час ночи.*

Он вышел в холл. Открылась дверь, и впустила Белку. Волосы ее были заплетены в обычную косу, хотя раньше она так не делала; на лице блуждала улыбка.

– Ты мой слааадкий!

Белка повесилась на Михаила и попыталась поднять ноги, согнув их в коленях. Он стоял как столб, девушка отодвинулась.

– Ну, не очень-то и хотелось. Дуешься? Что я поздно? Так я последняя из такси вышла – сначала девчонок развезли. Молчишь? Это из-за того, что я без тебя была? Могу я хоть разочек сама гульнуть? Ты же тоже один был.

– Был.

– Ладно. Я в душ.

Михаил вернулся в кухню и закурил. *Ну вот, жива-здорова, никуда не делась. Все хорошо. Ну, поживем – увидим, как говорят французы. Пошли спать.*

В спальне он расстелил кровать, потынялся по углам и

увидел два золоченых крючка, которые он ввинтил в стену на высоте двух метров пару месяцев назад в промежутке между шкафом и дверью, затем он повыдвигал ящики своей тумбочки, пошарудел там и закрыл.

Вошла Белка в халате, сняла его, походила по спальне голый, зачем-то понаклонялась, достала из шкафа и натянула на себя сетчатые черные колготки с отверстиями спереди, сзади и по бокам – казалось, что это пояс с подвязками и чулки. Михаил сидел, опершись на спинку кровати. Белка залезла на кровать и стянула с него трусы, улеглась напротив и стала пальцами ног шевелить у него в паху.

– Ну, чего это он у тебя такой грустный? Ты устал?

– Я устал.

– А я девчонкам фото показывала.

– Какое.

– Где ты мне на ноги кончил.

– Ну показывала и хорошо.

– Ты не злишься?

– Нет.

– Нет? Совсем?

– Совсем.

– А он все грустит. Слушай, у тебя есть тут наручники?

– Есть. Тебе зачем.

– Дай мне.

– Держи.

Белка поднялась, пододвинулась, взяла наручники и за-

щелкнула их вокруг мошонки Михаила, потом вернулась назад, улеглась на спину, опершись на локти, и продела пальцы правой ноги во второе кольцо. Она подняла ступню, подвигала ею вправо-влево, потянула вверх, подергала.

– Не нравится ему? Вижу, не нравится. Ладно, снимем. Может, на меня наденем? Нет? Ну Мишка! Это ты из-за той фотографии?

– Да мне все равно, что ты там кому показываешь.

– В фейсбуке.

– Нет. Я и не видел никакой фотографии.

– Вот брихун. Из-за комментов?

– Да плевать я хотел на все комменты. Только мне и дел есть, что читать комменты разных коцнутых пидоров.

– Ну не злись, Мишунчик. Это и не я ее повесила.

– Да, я понял, сама повесилась.

– Это Дашка нас фотографировала, а потом и нажала «поделиться».

– Конечно. Я все понял. Одни враги кругом. Только Дашка там рядом с тобой сидит.

– Так ты ж не видел!

– Ну видел.

– Значит, из-за нее.

– Я просто устал. Давай спать.

– Ну я не могу так спать! Ну поругай меня, покричи.

– Не хочу я тебя ругать.

– А я знаю, что ты сейчас хочешь.

– Ты цыганкой заделалась?

– Ты хочешь меня побить.

– Какая прозорливость.

– Ну так давай!

Белка вскочила и улеглась поперек ног Михаила на живот.

Он ляснул ее ладошкой по попе.

– Все. Индульгенция выдана. Иди ложись. Спи.

– Ну неееет, это не считается! Давай по-настоящему!

– По-настоящему? Ладно. Будет тебе по-настоящему.

Вставай. Надень свое платье.

– Какое?

– В котором была.

– Ладно.

Белка достала из шкафа «шанельное» платье и надела.

Михаил поднялся с кровати, взял из тумбочки еще одну пару наручников, подошел к девушке и защелкнул их у нее на запястьях.

– Пошли.

Он подвел ее к закутку между шкафом и дверью, повернул лицом к стене, поднял руки и зацепил кольца наручников за крючки, потом раздвинул ноги и задрал платье, просунул руку меж ее бедер, погладил ляжки, нашел губы, потрогал пальцем клитор, взялся ладонями за ягодицы и сжал их.

– Ой, Миша... давай уже скорей...

Михаил вернулся к своей тумбочке и нашел кожаную хлопалку, которая валялась там сто лет без надобности – ко-

гда-то он принес ее, чтобы сделать фото для своего сайта. Он подошел к Белке, прошелся левой рукой по гладкой розовой коже попы, а правой вполсилы хлопнул по ней, девушка охнула и обернула к нему лицо.

– Мишка. Он у тебя поднялся. Давай.

Михаил присел на корточки, запустил левую руку между бедер Белки, стал ее трогать, а правой рукой хлопать по попе – она порозовела, Белка подергивалась, перебирала ногами и ойкала. Левая рука его была уже совсем мокрая, он бросил хлопалку, приник губами к покрасневшей плоти, целовал ее и кусал, раздвигал ягодицы и проводил меж ними языком, девушка стонала. Он поднялся, отцепил наручники, развернул Белку лицом к себе, опять зацепил кольца за крючки, раздвинул ноги девушки, поднял подол платья и подоткнул его. Соски смотрели на него сквозь ненавистную полупрозрачную вставку на груди, Белка тянула к нему губы, он впился в ее шею, нашел ладонями грудь, сжал изо всех соски, потом опустил правую руку вниз. Он целовал ее в губы, хлопал ладошкой по венерину холмику, не давал своим коленом соединить ноги, трогал клитор, опять присасывался к шее.

– Мишка, ну я хочу тебя ужасно!

– Пойдешь завтра гулять со следами на шее, а не с голыми сиськами.

– Ну я удалю ее! Ну иди уже в меня!

Он поднял рукой правое бедро Белки, пристроился и во-

шел в нее, она подняла и левое бедро, обхватила его талию ногами, он подхватил ее руками за попу, стал двигаться, быстро и сильно, вдавливая девушку в стену, с наслаждением слушая ее стоны, ощущая ее влагу внутри и на бедрах, слушая стук ее сердца и звон цепочек. Белка замерла, потом сжала бедра изо всех сил, дернулась вперед, вскрикнула, опустила ноги, стоны ее затихали, кожа была мокрой от пота.

Михаил отодвинулся, провел костяшкой пальца по подмышкам девушки, потом отошел и остановился, глядя на распятую Белку.

– Отпусти меня, Миша.

– Сейчас. Фото сделаю. В фейсбук повешу. Тебе на страницу. В коммент к «Принцессе». Вот, и слоган придумал: Шанель всегда Шанель.

Он взял смартфон, щелкнул камерой, потом снял кольца наручников с крючков, Белка упала вперед, он подхватил ее, закинул на плечо, донес до кровати и бросил, она перевернулась, раскидала руки и ноги и замерла, только голова ее тихонько поворачивалась из стороны в сторону.

– Веришь? Мне сейчас все равно. Даже если бы ты повесил. Мне так хорошо никогда еще не было. Я так хотела, что думала, что я умру. И потом. Я сильно кричала?

– Было дело.

– Дай мой телефон. Все. Нету ее. Ты же меня не бросишь из-за какой-то одной фотки. Ну скажи. Ну с кем ты еще так сможешь. Ты же делаешь со мной все, что хочешь. А я кон-

чаю как кошка. А ты мой любимый котяра. Только член у тебя не кошачий, а...

– Но она же была. Ты ее повесила. Зачем-то. Я, когда увидел, мне потом казалось, что все, кто смотрит в телефон, пялятся на тебя. А потом на меня. Сучка ты у меня редкая.

– Мишка. Ну это девчонки меня подзудили. На слабо. А потом... потом каждые пять секунд уведомления падали. А они все на мой телефон пялились. А мне приятно было. И комменты никакие мне не нужны. Ну дура я у тебя, что уж тут поделаешь. Но я ведь тебя люблю. Простишь меня? Я хочу снять платье... обнять тебя... прижаться...

– А я хочу покромсать его. Абордажной саблей. Зазубренной.

– Пиратище ты мой любимый. Ну оно же и тебе нравится, признайся.

– Белка. Мне много чего нравится, что я тебе покупаю. Но это не значит, что надо всем...

– Ну все, все! Я поняла! Давай мы его оставим только для дома. Оно же тебя возбуждает. Будем дома праздновать... годовщины всякие... как ты меня на коленях умолял быть твоей...

– Ох и палучишь ты у меня!

– Мишка. Ты знаешь, я читала... научную статью между прочим... что когда по попе хлопают... кровь туда приливает... ну, ты понимаешь... и возбуждение усиливается.

– И что показала практика?

– Усиливается. Так усилилось, что меня только цепи удержали, а то бы я улетела прямо в окно.

– Ну вот видишь, тоже пригодились.

– А когда это ты крючки туда вделал?

– Давно уже, не помню точно.

– Вот ты брихун у меня. Ты ж это спицально задумал. Признайся. Я же тебе сказала. Про попу.

– По попе тебя отхлопать? Нет, ничего я не задумывал такого.

– А зачем тогда вбил?

– А ты не догадываешься?

– Догадываюсь. Но я хочу, чтобы ты сказал. Мы же все друг другу говорим.

– Нууу... это такой «Минотавр». Помнишь, когда тебе косяк подсунули в баре и на кресте в подвале распяли, пока я за коктейлями ходил. А я тебя потом нашел.

– Да уж как бы я могла такое забыть. Ты меня потом в номере так отымел, что я три раза подряд кончила. И мы голые по газону бегали, а кто-то мимо шел. А в душе ты... помнишь, что утворил? А скажи, ты меня разве там... в «Минотавре»... не ревновал?

– Ревновал до смерти. И хотел так же.

– Прямо там? В подвале?

– Да. Сразу.

– И ты... тут... И ты все это время хотел так сделать? И не сказал!

– Нууу... не сказал.

– Ну что ты, мой хороший. Ну разве можно так. Когда ты меня хочешь, это для меня лучше всего на свете. И мне все равно как. Хоть в наручниках, хоть на кресте, хоть на балконе в ошейнике... Где-то же у тебя, кстати, настоящий был. Кожаный. С поводком. Помнишь?

– Да валяется где-то. Зачем тебе.

– Ну принеси. Ну я хочу. Давай. А я пока платье сниму.

Михаил встал с кровати, отправился на кухню и жадно закурил. *Ну, и это сегодня тебе было наказание или награда? Ну что ты будешь с ней делать. А без нее совсем никак. И это же она тогда сказала: любовь – это такое рабство. Никакая она у тебя не дура. Хвостом любит покрутить, это да. Ну вот ты ее сегодня и поймал за хвост... И ты думаешь, на этом все закончится? Честно так, сам себе. Да хрена лысого. А если бы тебе три года назад сказали, что так будет? Если бы да кабы. Знал бы, где упадешь... Ладно, проехали. Пошли уже. Стой. А ты ее со злостью сегодня лупасил? Честно. Да нет. По-моему, ей это даже больше понравилось, чем тебе. Ты любишь ее возбуждать, а не мучить. Женский оргазм для мужчины – как орден Почетного легиона для гвардейца. Ну что только из человека не выкопаешь. А сейчас она вправду хочет? Или вину заглаживает? Да хватит тебе заморачиваться, психоанализ на кухне устраивать. Пошли уже. Ну пошли.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.